

Моя школа

До пятого класса в связи с войной я сменила несколько школ – училась немного в Барнауле и Костроме, в разных школах Москвы. Окончила среднюю школу № 65 Киевского района Москвы в 1951 году, где училась в 5–10 классах.

Школа была замечательная. У нас была умная, спокойная, доброжелательная директриса – **Анна Сергеевна Кузнецова**. В старших классах много прекрасных учителей – наш классный руководитель, преподаватель физики, молодая, энергичная, остроумная, справедливая **Людмила Александровна Кондратьева**, старше многих из нас всего лет на 5–6, которую мы не только уважали, но и очень любили, старались ей подражать. Была изумительная учительница литературы – **Лидия Марковна Кондратьева**, таких преподавателей литературы, как она, я не встречала.

Мы изучали все, что полагалось по программе, но манера ведения урока, умные интересные вопросы, заставляющие думать, вызывали восхищение и желание знать как можно больше. Было стыдно не знать какого-либо произведения, упомянутого Лидией Марковной, поэтому я немедленно искала и читала его. В 7-м классе **Инна Петровна Ревякина**, учительница русского языка, преподававшая еще в дореволюционной гимназии, научила нас грамотно писать, очень просто, доходчиво объясняла правила правописания. До нее в 5-м и 6-м классах была другая учительница, которая скучно и непонятно объясняла правила русского языка, из-за чего многие из нас до седьмого класса писали с большим количеством ошибок. Запомнилось, например, что мы никак не могли понять, как отличить действительное причастие от страдательного, которое на кого-то переходит. Инна Петровна объяснила это очень просто – их различают по суффиксу: в страдательном причастии суффиксы «ен, енн», в действительном – «ащ, ящ».

Хорошие преподаватели были по истории – Нина Алексеевна (кстати, выпускница истфака МГУ) и географии – **Валентина Петровна Курочкина**.

Плохих учителей, пожалуй, не было, но были нелюбимые. Помню двоих – Марину Никитичну, ту самую, что обучала нас русскому языку в 5–6 классах. Мало того, что она плохо объясняла, она еще часто кричала на нас, обзывала

*Нина Визжилина
в школьные годы*

тупицами и т.п. Ей мы устраивали мелкие пакости – натирали доску чесноком, так что писать на ней было невозможно, подкладывали кнопки на стул (!) и т.п. А в старших классах – математичку **Клавдию Ивановну Емельянову** (про себя мы называли ее Кланей), которую не любили не потому, что плохо учила, учила-то как раз хорошо, а потому, что по вечерам выходила на Можайское шоссе, где мы обычно гуляли, и, не дай Бог, встречала кого-либо из нас с мальчиком! На следующий день обычно вызывала эту несчастную к доске и, если она плохо отвечала, К. И. говорила: «Это вам не с мальчиком по Можайскому прогуливаться...»

Так что с учителями нам в основном повезло. Они не только хорошо преподавали свои предметы, но и всячески поощряли наши инициативы – будь то диспут по поводу любимых книг или спектакль, который мы пытались самостоятельно поставить. В частности, в нашей женской

школе (тогда было отдельное обучение) мы решили поставить спектакль по повести А. Гайдара «Тимур и его команда», в котором почти все роли были мужские – ведь в команде Тимура были одни мальчики, в том числе и хулиган Квакин с его сотоварищами. Из двух женских ролей – Жени и ее старшей сестры Ольги, я должна была играть роль Жени. Тимуром была Рая Гусева, Колей Колокольчиковым – Лида Андреева и т.д. Мы долго, почти целый учебный год, репетировали, почти ежедневно оставаясь в школе после уроков, но почему-то так и не сыграли этот спектакль на сцене.

В школе мы все ходили в одинаковой форме – в коричневых полушерстяных платьях и черных фартуках в будни и белых – в праздники. У мальчиков тоже была форма – брюки и пиджачки из какого-то серого полусукна.

Мне кажется, это было правильно и хорошо, хотя тогда нам это не нравилось. Во-первых, в войну и первые годы после нее трудно было купить что-либо приличное, да и у большинства населения на это не было денег. Во-вторых, и это главное, нас различали не по одежде, а по характеру, способностям и уму. Жаль, что теперь нет формы в школе – сейчас ученики, особенно девочки, различаются в основном по одежде, а не по уму. Ну и, конечно, не разрешалась никакая косметика. Однажды Инна Навысоцкая явилась в школу с маникюром, так мы попросили нашу Людмилу Александровну смыть ацетоном «это безобразие», что и было сделано к нашему удовольствию.

Из 34-х девочек нашего 10 «А» класса помню многих. особенно свою самую близкую задушевную подругу на долгие времена – Иришу Титову.

В школе много внимания уделялось нашему воспитанию, особенно патриотическому. На классных часах обсуждались не только наши оценки и проступки, но и рассказывалось о том, что происходит в мире, причем часто эти сообщения делали мы сами по газетам (это было время возникновения стран народной демократии). Там же говорили о прочитанных книгах и планах нашей школьной жизни.

Мы учились во время войны и в первые годы после нее. Естественно, что героическая история войны, подвиги наших людей на фронте и в тылу, самоотверженный труд женщин и

детей находили горячий отклик в наших душах. В нашем классе особенно трепетно относились к ребятам из подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей в городе Краснодоне. Почти все они погибли от рук фашистов. После выхода в свет книги А.А. Фадеева «Молодая гвардия» (первое издание) у каждой из нас появился свой любимый герой, о котором старались узнать побольше и стать хоть чуточку похожим на него. Конечно, книга обсуждалась в классе, мы неоднократно смотрели кинофильм «Молодая гвардия», ходили на одноименный спектакль в театр им. Маяковского. Помню, как в антракте отправились за кулисы, чтобы выразить восхищение и поблагодарить артистов, особенно Татьяну Карпову, игравшую Любку Шевцову. И вот за кулисами нам навстречу вышел артист, игравший эсесовского офицера, в черной ненавистной форме со свастикой на рукаве. Это был шок и потрясение. Потом долго пытались друг друга и себя, смогли ли бы мы вести себя, как молодогвардейцы, в реальной жизни.

В своем стремлении быть похожими на них – честными, мужественными, бесстрашными, преданными Родине и готовыми на смерть ради нее, мы доходили иногда до крайности. Прием в комсомол в нашей школе был очень строгим. Мы считали, что комсомольцами могут быть только серьезные, политически грамотные, активные люди. Принимали не «оптом» и не всех.

Помню, как в 1950 году принимали в комсомол девочку, отец которой работал в ЦК партии. Ее долго спрашивали о задачах комсомола и по Уставу ВЛКСМ, а в конце, конечно же, спросили о «Молодой гвардии» и ее любимом герое. Когда же выяснилось, что она не читала эту книгу (!) и не знает о подпольной организации Краснодона, мы не приняли ее в комсомол, потому что считали, что человек, не знающий героев своей страны, отдавших за нее жизнь, не достоин быть комсомольцем. В школу приходил отец девочки и долго разговаривал с директором и парторгом школы, которые потом пытались мягко убедить нас, что девочка хорошая и просто не успела прочитать книгу, а потому не следует так строго поступать с ней, но мы твердо стояли на своем. Девочку вскоре перевели в другую школу и там приняли в

комсомол. Конечно, это было проявлением юношеского максимализма, но мы были искренне уверены в своей правоте.

Мне кажется, что в большинстве теперешних школ нет ничего подобного, практически отсутствует воспитание чувства патриотизма, хотя наверняка его можно создавать не только на коммунистических идеалах. Слово патриотизм в нашей стране сейчас стало почти неприличным. Дико видеть, что в стране, победившей фашизм в долгой кровавой, разрушительной войне, вдруг возникают организации фашистского толка, с фашистской идеологией и всеми атрибутами фашистов – свастикой, приветствием «Хайль!» и т.п. Каково видеть это людям, воевавшим на фронте, многочисленным труженикам тыла, работавшим буквально день и ночь на победу, женщинам, мужчинам и детям, побывавшим в оккупации и фашистских лагерях смерти. Хотя в России есть закон, запрещающий фашистские организации и идеологию, находятся взрослые люди, якобы всё знающие о войне, которые пропагандируют фашизм, собирая вокруг себя подростков, никогда не видевших войны и не знающих об ужасах фашизма. Уж этих-то «воспитателей» следует привлекать за это к уголовной ответственности. А главное – в стране должна быть идеология и идеологическое воспитание, только тогда не будут возникать экстремистские группы и вновь с гордостью станет звучать слово ПАТРИОТИЗМ, возникнет любовь и уважение к своей стране.

Наши учителя ненавязчиво, однако четко, давали нам также азы этики, объясняли, как должны вести себя воспитанные люди в разных ситуациях. Пожалуй, никому из нас не приходило в голову сидя разговаривать со старшими, не уступить им места в транспорте, не поздороваться.

Много времени занимала комсомольская работа, я была членом комитета, а потом секретарем школьной комсомольской организации. И конечно участвовала в самодеятельности – пела, читала стихи и отрывок из «Молодой гвардии», посвященный Сергею Тюленину. Однажды даже танцевала одну из лошадок в танце «Тройка» на новогоднем вечере. Готовясь к выступлению, я решила слегка завить волосы – «гриву лошадки». Нагрела щипцы и

стала нюхать, чтобы понять, не перегрела ли их, при этом нечаянно приложила щипцы к носу. Так и пришлось танцевать с красным кончиком носа, потому что попытки забелить его зубной пастой и запудрить успеха не имели. Я была очень огорчена...

Почти три года я руководила хором – в 8-м, 9-м и 10-м классах.

*Нина Визжилина (слева)
руководит школьным хором*

После 9-го класса я пошла к Анне Сергеевне и попросила разрешения пригласить мальчиков из соседней мужской школы, так как без мужских голосов некоторые песни не звучат... А. С., мудрая женщина, улыбнулась и разрешила. Несколько девочек из хора во главе со мной отправились к соседям в школьный комитет комсомола и изложили там нашу просьбу, которую мальчики встретили с энтузиазмом. Сначала в хор пришло много ребят, но быстро выяснилось, что большинство из них вовсе не умели и не собирались петь. Так что в хоре, в конце концов, осталось их пятеро. Они, конечно, не только пели, но и стали ухаживать за нами. Помню, что Ирешку часто провожал домой и вел с ней всякие беседы высокий, худой, симпатичный мальчик по фамилии Хорьков, меня обычно сопровождал Витя Селезнев – парень среднего

роста и плотного сложения... Но кончалась четвертая четверть, нужно было готовиться к выпускным экзаменам и думать о дальнейшей жизни, о поступлении в институт. Стало не до пения.

*Ира Титова –
моя любимая школьная подруга*

Конечно, школа для многих из нас сыграла свою роль в выборе профессии, который в значительной мере определялся влиянием и талантом учителя. Несколько девочек стали физиками.

В течение многих лет после окончания школы мы встречались вместе и часто приходили к Людмиле Александровне в дни ее рождения или просто за советами. К сожалению, ее уже давно нет с нами.

Пошел уже тридцать четвертый год, как после тяжелой изнурительной болезни ушла из жизни моя первая любимая подруга – Ириша Титова.

Наша дружба началась в школе, в восьмом классе, когда два седьмых класса – «Б» и «В» – объединили в один восьмой, назвав его 8 «А». И «бэшники» и «вэшники» были этим крайне недовольны – почему-то нам казалось, что в «А» учатся одни зубрилы и воображалы... Наша классная руководительница, Людмила Александровна Кондратьева, выслушав наши глупости на этот счет и просьбы назвать наш 8 класс «Б» или «В», но не «А», сказала, что вопрос не обсуждается – мы будем восьмым «А».

С чего началась наша дружба с Иришкой, пожалуй, сейчас уже не помню, но что-то объединило нас быстро и до конца, хотя мы изрядно различались по характеру: для Ириши были характерны мягкость и деликатность, я же была более резкой и нетерпимой. Жили мы в одном доме на Можайке (Кутузовский проспект) в соседних подъездах, так что встречались и общались не только в школе, где сидели два года за одной партой. Почти каждый день после школы и выполнения домашних заданий мы отправлялись на прогулку по Можайке, обсуждая все школьные происшествия, прочитанные нами книги и просмотренные кинофильмы, наши влюбленности и даже более крупные проблемы – положение в мире, «что такое хорошо и что такое плохо», поверяя друг другу все, что было на душе и на сердце!

Среднего роста, с красивыми вьющимися золотистыми волосами, милой улыбкой Иришка всегда привлекала внимание, но была скромна и застенчива. Достаточно было пристально на нее посмотреть или, не дай Бог, сказать при ней грубое слово, как ее милое лицо краснело, что делало его еще привлекательней. Иришка приятно пела, у нее был высокий красивый голос – нежное сопрано. Мы обе любили петь, раскладка мелодии на два голоса и исполнение любимых песен для себя и наших родителей было большим

удовольствием. В нашем школьном хоре Ириша была солисткой. Не с песен ли началась наша дружба?

В те времена, в 1950-е годы, на Можайском шоссе, правительственной трассе, постоянно дежурили сотрудники

*Ира Титова и Нина Визжилина
в школьные годы*

КГБ. Одного из них, молодого симпатичного парня, лет 22–25, мы часто встречали на наших прогулках.

Однажды из озорства мы с ним поздоровались, как со старым знакомым. От неожиданности он ответил и после этого в его дежурства эти приветствия продолжались, нам было весело.

Его я встретила несколько лет спустя на эскалаторе в метро, мы улыбнулись друг другу и поздоровались.

Отца Ириши, Павла Ивановича Титова, в 1949 году направили на работу Первым секретарем обкома Крыма, и он вместе с женой, Анной Ивановной, уехал на работу в Симферополь. Перед отъездом А. И. попросила мою маму «присмотреть за дочкой», так что отношения с Иришкой

стали еще более крепкими, часто мы вместе обедали у нас и вместе готовили уроки.

В то время мы обе были влюблены в мальчишек с нашего двора, что доставляло нам радость и страдания. Предметом Иришиной влюбленности был Веня Стрельцов, симпатичный высокий, спортивного типа мальчик. Насколько я помню, он и сам был ею очарован, но дальше редких случайных встреч и нейтральных разговоров дело не пошло. Я была влюблена (замечу в скобках, что вообще была весьма влюбчива) в Юру Струнникова, крепкого улыбчивого парня с голубыми глазами, футболиста, вообще фанатика футбола, болевшего за команду «Спартак». Понятно, что я тоже стала интересоваться футболом и болела за «Спартак». Но моя влюбленность была безответна, хотя продолжалась года два. Позже в нашей компании появился Женя Корниенко, юноша небольшого роста, с белокурыми вьющимися волосами, который начал ухаживать за мной. Мы подружились, довольно часто он приходил к нам домой, естественно, он познакомился и с Иришей, поскольку мы были с ней неразлучны. Однажды у нас дома в отсутствии родителей мы втроем валяли дурака – пили чай, болтали о том, о сем, говорили о знакомых мальчиках и девочках, играли в карты. Вдруг Женя сказал, что сейчас позвонит Женьке Фридману, с которым учился в одной школе и, кажется, в одном классе. Разговор мальчишек по телефону получился длинный, сумбурный и в конце его Женя сказал, что рядом с ним сидят две девушки и спросил, не хочет ли Фридман с ними поговорить. Получив положительный ответ, Женя передал трубку Иришке. Ее разговор с Фридманом был очень долгий, взволновал и заинтересовал ее чрезвычайно. При этом она себя не назвала, что сильно заинтриговало его. Такие телефонные разговоры стали постоянными и продолжались несколько месяцев. С Жени Корниенко мы взяли слово, что он не скажет Фридману, кто ему звонит.

Однажды Ириша пошла за какой-то книжкой к своей бывшей однокласснице, Вале Филатовой, которая, как мы знали, была влюблена в Фридмана. И надо же так было случиться, что в тот день у нее оказался Ж. Ф., как всегда «под мухой». Ириша, стоя в передней, немного поговорила с Валей и стала ждать, когда она принесет книжку. Вдруг отворилась дверь, и на пороге комнаты показался парень, который, подойдя к Ирише, произнес: «Так вот кто меня так

долго разыгрывал и мучил по телефону?!» Он узнал Ирину по голосу, пошел ее провожать, долго не отпускал. После этого начались не только разговоры по телефону, но и частые долгие встречи. Иришка влюбилась. И не удивительно: Женя Фридман был высокий, стройный, черноволосый, голубоглазый юноша, писал стихи, хорошо знал поэзию, особенно любил С. Есенина и знал почти все его стихи наизусть. Разговаривать с ним было чрезвычайно интересно. Но, к несчастью, он часто и много выпивал и становился при этом неуправляемым.

Начался бурный роман с объяснениями в любви, ссорами и скандалами, бурными переживаниями. Роман прервался на время, летом 1950 года, когда Ириша уехала на отдых к родителям в Крым. Вскоре туда поехала и я. О своем «приключении» – операции по поводу аппендицита – я уже писала, рассказывая о папе. Естественно, пока я находилась в больнице, Иришка навещала меня, приносила «передачи» и пр.

После операции мы с Иришей прекрасно проводили время на берегу Черного моря под Алуштой. Купались, плавали, загорали и обсуждали ее отношения с Женей, обдумывали, как сообщить родителям об этом.

Ириша прекрасно плавала стилем «басс», часто уплывала далеко в море, казалось, что она может плавать без отдыха целый день. Раза два ходили на гору Кастель, читали, пели. Организовали из маленьких ребят 3-х–5-х классов, живших на даче, небольшой ансамбль, который с успехом выступил перед родителями на празднике, устроенном в честь дня ВМФ. До сих пор помню, как пели они звонкими дискантами «Солнышко светит ясное, здравствуй, страна прекрасная».

Настоящий праздник дня Военно-морского флота мы с Иришей встретили в Севастополе, куда нас взял с собой Павел Иванович. Мы были на катере адмирала, командующего Черноморским флотом.

Какой это был красивый катер! Обшитый красным полированным деревом, с надраенными до умопомрачительного блеска металлическими деталями, он летел по волнам вдоль выстроившихся для парада военных судов, на которых четкими шеренгами были построены матросы в белых матросских рубашках и бескозырках с синими лентами и шикарные капитаны и офицеры!

Перед каждым кораблем катер задерживался на минуту, командуящий поздравлял всех с праздником, в ответ слышалось громкое, многократно повторенное «Ура!». Парад был так же великолепен, как на Красной площади в Москве. Потом был массовый заплыв матросов. Все это на фоне синей воды, яркого солнца и ясного неба. Впечатление осталось на всю жизнь.

Конечно, запомнились и Графская пристань, и памятник затопленным кораблям, и город, в котором в то время была лишь одна улица с домами, все остальное – послевоенные развалины – последствия героической обороны Севастополя в Великую Отечественную войну.

Кончилось лето, мы вернулись в Москву, и страсти разгорелись. Женя хотел, чтобы Ириша вышла за него замуж, обещал, что бросит пить. Однако он иногда по-прежнему выпивал, и у Ириши, естественно, оставались сомнения. Более того, была уверенность, что родители Ириши не дадут согласия на этот брак.

Между тем, кончалась школьная жизнь, нас ждали выпускные экзамены и поступление в институты. Ириша, получив аттестат зрелости, благополучно сдала экзамены и поступила на Психфак МГУ, куда решила идти еще в 9-м классе. Училась с удовольствием, у нее появились друзья-однокурсники, в частности, Андрей Брушлинский, который был явно в нее влюблен. Но роман с Женей Фридманом развивался всерьез, Женя настаивал на своем. И Иришка решилась... Взяв меня в качестве свидетеля, они направились в ЗАГС, который находился прямо против нашего дома, даже против окон нашей квартиры. И вот их расписали, мы вышли на Можайское шоссе. Вдруг навстречу нам – моя мама, которой, как я уже писала, поручено было «присматривать за Иришей». «А, вот вы где и с мальчиком! Что это вы тут делаете?» Тут Ириша произнесла фразу, от которой моя мама чуть не упала: «Мария Ивановна, шутки закончились, я вышла замуж. Это мой муж – Женя Фридман». Начались «охи» и «ахи», «да знают ли родители», «да как же это» и т.д. и т.п. А мы отправились отмечать свадьбу. Свадьба была скромная дома у Жени, присутствовали его родители, старший брат с женой и я.

У Ириши началась новая жизнь, семейная. Вернувшись из Крыма, родители Ириши были поставлены перед фактом и вынуждены были принять этот брак, хоть он их и не

радовал... Ребята стали жить в трехкомнатной квартире Павла Ивановича около метро «Новослободская».

В марте 1958 года я вышла замуж за Олега Орлова. Женя написал нам стихотворное поздравление

Маленькую Ниночку и большого Олега поздравляем!

Раз –

И в ЗАГС –

Дело вмиг готово

(Там не тратят

много

лишних слов).

Поздравляем же тебя,

Орлова!

Поздравляем и тебя,

Орлов!

Поздравляем порознь

и вместе

И желаем тихо, без забот,

Жить вам...

Ну, хотя бы лет

по двести,

А в детишках –

даже по пятьсот!

Евгений Фридман, Ирина Титова

Март 1958 г.

Первые год-полтора Женя действительно не пил, учился в каком-то институте, потом начал работать. Все было как будто бы хорошо. Родилась дочка, которую в честь Иришиной мамы назвали Анютой. Но, увы! Вскоре после рождения дочки Женя снова стал выпивать и скандалить. Ириша с ним рассталась, переехав к родителям.

Ириша, закончив Психфак, работала в каком-то метод-кабинете психологом. Жизнь потихоньку налаживалась, нарушаемая редкими встречами с Женей, который требовал привозить дочку на свидание. Но и эти встречи довольно скоро закончились после очередного свидания маленькой Анюты с пьяным отцом.

История, начавшаяся как веселый детектив, закончилась трагически...

Время шло. У Ириши на работе появился друг – Валя Чанышев, общительный, мягкий, доброжелательный, прошедший войну танкистом, участник сражения под Прохоровкой, словом, состоявшийся человек. Он был старше ее лет на 5–7.

Не удивительно, что он полюбил Иришку, сделал ей предложение, и она вышла за него замуж. Во втором браке Иришка снова родила дочку, названную Татьяной.

Все годы после окончания школы, во время учебы в Университете и после, когда уже начали работать, мы оставались вместе, хотя виделись реже, однако по телефону говорили ежедневно и были в курсе всех событий, радостных и горестных, которые сопровождали нашу жизнь, и неизменно поддерживали друг друга, чем могли. После развода с Олегом я часто приезжала к Иришке с Алешей или с моим другом Глебом Петровичем Парфеновым.

Зимой 1963 г. Ириша позвонила мне на работу на Бауманскую и сказала, что умерла Анна Ивановна (перед кончиной она долго болела). Я тут же поехала на Новослободскую...

Жизнь, между тем, продолжалась, Иришины девочки росли, возникали новые проблемы, связанные с их воспитанием.

В мае 1973 года после поездки Ириши и Вали в Прибалтику на отдых Ира заболела – упадок сил, боли. Ириша заметно ослабела и исхудала. Каждый день после работы я ездила к ней, готовила что-нибудь по ее просьбе.

В начале июля я, скрепя сердце, уехала в Малинники – надо было везти Лешу на летние каникулы. А дней через десять получила телеграмму от мамы, сообщающую, что 16 июля Ириша умерла... На попутном грузовике поехала в Калинин, оттуда электричкой в Москву.

Анюта рассказала, что Ириша умирала в полном сознании, и в это время по радио звучала песня на слова Сергея Есенина «Отговорила роща золотая». Похоронили ее рядом с мамой на Головинском кладбище.

Состояние свое описывать не буду – просто долгое время казалось, что с уходом Ириши жизнь кончилась...

У Ириши остались дочери – Анюта и Таня. После девятого дня по кончине Иры Валя с Таней приехали на неделю ко мне в Малинники.

*Ирина Павловна Титова.
1960-е годы*

*Ира Титова, Тамара Арефьева и Нина Орлова.
Поселок Комарово.
1961 год*

К сожалению, через несколько лет связь с ними прервалась – Анята вышла замуж, родила дочку Иришку и уехала жить в Германию. Таня тоже вышла замуж за врача, старше ее намного, живет где-то в Москве. С Валею очень редко перезваниваемся, в основном в день Иришиного дня рождения, 19 ноября. Он женился, и у него родился сын.

Наверное, писать об Иришке следовало тогда, 30 лет назад, сейчас, к сожалению, многое стерлось из памяти. Но навсегда во мне хранится светлый образ моей первой любимой подруги... «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

Биофак МГУ (1951–1956 гг.) Похороны И.В. Сталина

Еще в школе я решила, что буду поступать в Педвуз на литературный (или исторический) факультет. Но после медкомиссии, которая обнаружила у меня хроническое несмыкание голосовых связок, мне сказали, что с этим заболеванием я не смогу преподавать и отказали в приеме. Несмотря на это категорическое заявление, я преподавала в школах, в кружках и в Университете с полной педнагрузкой около 25-ти лет!

Этот отказ очень меня огорчил и озадачил – куда же теперь? И довольно неожиданно для себя решила поступать на Биофак в МГУ, куда меня уговорила идти Валя Казанцева, которая еще в школе мечтала стать биологом, несмотря на то, что школьного учителя биологии (единственного мужчину из учителей) мы не любили – преподавал неинтересно, да и очень любил обсуждать проблемы женской физиологии, чем смущал нас и вызывал чувство отвращения не только к нему, но и к биологии. Насколько помню, в основном он рассказывал о «последних достижениях» биологической науки – о лысенковском учении.

К сожалению, Валя не прошла по конкурсу, не добрав, кажется, одного балла, а я легко прошла собеседование (у меня была серебряная медаль). К чести моей подружки могу сказать, что, поступив в Медвуз, она успешно занялась вирусологией и защитила докторскую диссертацию. Теперь она живет и работает в США.

Первый год на Биофаке прошел у меня трудно, некоторые предметы не нравились совсем (зоология беспозвоночных, низшие растения), несмотря на прекрасные лекции, которые читали по этим предметам замечательные преподаватели – профессора Лев Александрович Зенкевич (зоология беспозвоночных) и Лев Иванович Курсанов.

К моей нелюбви к этим предметам добавилось еще то, что в первую сессию получила два «неуда» – по физике и зоологии беспозвоночных. Причины были разные, в частности в течение сессии мои родители один за другим угодили в больницу, так что готовилась не слишком тщательно. Не решив задачу по физике, отказалась отвечать, а зоологию беспозвоночных пришлось сдавать самому профессору Л. А.Зенкевичу, перед которым трепетала и от строгого вида которого сразу забыла все и молчала, хотя ответы на вопросы знала. После второй двойки села в метро и долго ездила по кольцевой линии, переживая и обдумывая причины своих провалов на экзаменах и размышляя о том, стоит ли дальше учиться на Биофаке. Было грустно и противно, ведь я всегда была «примерной ученицей» и очень редко получала плохие оценки.

Оба предмета через день пересдала на «хорошо» тем же преподавателям.

Вторую сессию сдала почти всю на «отлично». А потом наступило лето, и началась замечательно интересная летняя практика в Чашниково. Экскурсии в лес и на болото, на луга и пруд (столько нового!), сбор растений и составление гербария по науке в специальных папках, написание первой самостоятельной работы по биологии прудовика, замечательные ботанические экскурсии по лесам и полям с преподавателем – третьекурсником (!) Вадимом Тихомировым. Вспоминаю один «метод» из его педагогической практики. В тот год появились шорты и мы радостно обрезали брюки или закатывали их «под шорты». В один прекрасный день явились на экскурсию в этих шортах. Оглядев нас скептическим взглядом, Вадим ничего не сказал и повел нас на экскурсию, завел в высокую жгучую крапиву и начал объяснение. На следующий день мы все пришли в брюках.

А сколько на курсе было замечательных ребят и девчат!

Инна Болховитинова – наш комсорг, жизнерадостная активная девчонка из города Валуйки, умевшая к каждому найти свой «ключик». После окончания МГУ она долго работала в Воронежском университете на очном и заочном отделениях, отдыхая лишь на летней практике. К сожалению, личная жизнь у нее сначала не сложилась, после рождения

сына Игоря она развелась с мужем. Мы с ней переписывались, у меня хранятся ее письма и поздравления.

После окончания Биофака Инна иногда собирала нашу 10-ю группу, как всегда, что-нибудь сочиняя к встрече. 5 ноября 1979 года мы собрались в очередной раз, и вот какие частушки-нескладушки она сочинила:

*Нина Визжилина
в Братском агитпоходе*

*Встречаемся мы очень редко,
И в суете житейских дел
Забудешь, как зовут соседку,
Но нашу группу – никогда!
Всплывут тотчас родные лица,
Когда увидишь список наш:
Антонова, Лоза, Лисицына
И уцелевший наш Чтецов.
Считайте, что совсем немного
Прошло с тех пор каких-то лет...
И мы такие ж! Слава Богу!
А что снаружи – то МУРА!*

*Нас собралось не так уж много,
Тамилла вертит все хвостом,
Блиновых нет и Киселевой,
Ну, а Бермонт уж в США
И все ж, друзья, за нашу группу,
За верность юности своей,
За прошлое, за нашу дружбу,
За нас за всех – гип-гип УРА!*

Инна часто тяжело болела и после долгого лечения скончалась... Все мы, кто учился с ней в одной группе и на кафедре помним нашу славную, веселую, жизнерадостную Инку.

Ира Бермонт – красивая, умная, сочинявшая вместе с Инной к нашим групповым встречам веселые газетки-шутки. На первом курсе мы часто вдвоем готовились к экзаменам. Она давно уехала в Америку, и теперь я о ней ничего не знаю.

Ванечка Губанов. С ним я познакомилась в райкоме комсомола, где после поступления в МГУ мы вставали на учет. Серьезный такой юноша, поступивший на Биофак по рекомендации-путевке из техникума (была тогда такая форма приема в ВУЗы), где он учился и занимался пчеловодством. Сначала я ему очень не понравилась своей активностью и смешливостью, но позже, встретивши, к своему удивлению, меня на лекциях, он изменил обо мне свое мнение, мы подружились. Иногда он привозил с пасеки, где раньше работал, мед в сотах, приглашал на угощение. Именно Ванечка прислал мне первую книгу по классической генетике, поддерживал меня при назначении на должность заместителя декана. Окончив кафедру геоботаники, он сначала работал в Пржевальске, потом был приглашен на свою кафедру, где успешно и плодотворно работал более 20 лет, выпустил несколько хороших книг по ботанике. К сожалению, 12 февраля 2005 года Ваня Губанов ушел из жизни после продолжительной тяжелой болезни.

С **Володей Сухановым** (Суханчиком, как мы его часто называли), красивым, умным и очень ироничным парнем, учившимся в параллельной, 9-й группе, я подружилась еще до практики, когда мы готовили какой-то курсовой вечер.

Оказалось, что он прекрасно рисует. С помощью своих родителей-художников он создал для нашего курсового кукольного театра чудесных кукол, в которых мы легко узнавали себя и своих однокурсников. Жаль, что они не сохрани-

*Володя Суханов –
мой студенческий друг*

лись. У Володи очень плохое зрение, и, когда он однажды разбил очки, я со своей однокурсницей Леной Лисицыной по очереди провожали его домой. С Володей на летней практике мы часто вечерами обсуждали разные проекты нашей самодеятельности, иногда это продолжалось далеко за полночь. По этому поводу ребята сочинили такую частушку:

*Нина, ярый массовик,
Культработой ведает,*

Олег Орлов, с которым Володя учился на одной кафедре, шутя, называл Володю моим супругом. Как-то я получила от Олега приглашение, напечатанное на машинке: «Нину Визжилину с супругом на ведро киселя с коржиками приглашает Олег Орлов пожаловать в воскресенье, 11 марта, по адресу – Б. Калужская, 13, кв. 129, к 8 часам вечера».

Теперь Володя – известный ученый, крупнейший специалист в области палеонтологии. К сожалению, даже такому прекрасному, уникальному специалисту, в нашей теперешней стране не дают постоянной работы из-за возраста – ему за 70, и он вынужден ежемесячно (!) устраиваться в Палеонтологический музей по контракту. Нет слов...

Ура! Совсем недавно Володьке, наконец, повысили зарплату, как он сказал, примерно втрое.

Училась с нами замечательная гимнастка **Ира Лаврова** – спокойная, рассудительная девушка, не раз занимавшая призовые места на смотрах. Хорошо помню **Иру Кейзер**, с которой мы учились в параллельных группах, занимались в одних семинарах по общественным дисциплинам, вместе пели в хоре Биофака. Теперь она крупный специалист по фитопланктону, участница многих морских путешествий. Конечно, помню нашу курсовую аккордеонистку **Тамиллу Есакову**, с которой два года училась вместе в 10-й группе, говорливую, легкомысленную, хорошенькую девчонку, за которой активно ухаживали наши мальчики, любительницу поспать – мы с трудом будили ее на дежурства в Звенигороде. Серьезную умницу **Нину Шорину**, с которой мы и сейчас иногда общаемся по телефону. Она – доктор биологических наук, профессор Пединститута, руководитель многих аспирантов, написала и издала несколько учебников для школ и ВУЗов по ботанике. Красавицу **Фатиму Ата-Муратову**, ставшую доктором биологических наук, два сына которой учились потом на Биофаке.

Двух секретарей нашей курсовой комсомольской организации – **Галю Бугаревич** и **Леру Чувиляеву**. Лера защитила докторскую диссертацию, автор нескольких научных изданий, она до сих пор работает на Биофаке,

обучает студентов на кафедре зоологии беспозвоночных. **Вадима Фрезе**, с которым я довольно близко познакомилась уже после окончания МГУ. К нему, в его экспедицию, дважды ездила в Карелию – чудесный край, с красивыми чи-

*Ген Шангин-Березовский –
выпускник Биофака МГУ, композитор,
автор знаменитой песни
«Царевна Несмеяна»*

стыми голубыми озерами и красавцем водопадом Кивач. В Карелии под Медвежьегорском около деревни Кармасельга, где жили ребята из экспедиции Вадима, собирала необычайно красивые белые грибы с вишневыми шляпками, и видела огромные красные от брусники поляны на островах. Туда Вадим отвозил нас на лодке, мы набирали коробки этой чудесной ягоды, но не грабилками, которые рвут кустики, а

вручную. А однажды там я чуть не столкнулась с медведем. Шла по дороге, собирала грибы, складывая их кучками по обочине, чтобы на обратном пути сложить в корзину, как вдруг остановилась, поняла, что недавно здесь прошел медведь. Было жутковато. Дальше я, конечно, не пошла, а позвала ребят, которые подтвердили мое предположение, и мы отправились в деревню.

Да разве всех назовешь!..

Мысли о смене профессии исчезли. Дальше все пошло приятно и довольно легко, было много новых интересных курсов: анатомию растений читал замечательный преподаватель – доцент Даниил Александрович Транковский, Интересно читал курс анатомии человека профессор Михаил Антонович Гремяцкий. Профессор Георгий Владимирович Гептнер читал зоологию позвоночных, профессор Андрей Николаевич Белозерский увлекательно объяснял премудрости биохимии растений, то есть молекулярной биологии. Олег Александрович Реутов, доцент химфака, недавно вернувшийся с войны, удивительно ярко и необычно читал органическую химию, завершая почти каждую лекцию эффектным взрывом.

Кроме того, великолепные практикумы, семинары и экскурсии на летних практиках проводили доценты Николай Николаевич Каден, Иван Григорьевич Серебряков, Николай Владимирович Шибанов и другие.

Похороны Сталина

Весной 1953 года произошло событие, едва не стоившее мне жизни – смерть и похороны Сталина. Думаю, что об этом нужно рассказать подробно.

Сталин умер 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут, так сообщили по радио рано утром 6 марта. Над страной зазвучали траурная музыка, речи, многие плакали.

Занятия в Университете отменили, студенты приехали на Биофак на улицу Герцена. Сразу же группа студентов, в которой была и я, направилась на Красную площадь.

Мы почему-то думали, что Сталин умер в Кремле и что его тело повезут через Спасские ворота в Колонный зал Дома Союзов. Но нас быстро оттеснили не только с Красной, но и с Манежной площади, а также от улицы Горького. Весь центр перекрыли войска, мы вернулись на Биофак и пошли на митинги, которые проводились во многих больших аудиториях МГУ. Один из них, в клубе на Моховой, особенно запомнился. На митинге выступила секретарь коммунистической партии Испании, знаменитая в те времена Долорес Ибаррури – «Пассионария» (пламенная), так её называли. Сын ее, воевавший против фашистов в СССР, погиб на фронте.

Говорила Долорес, естественно, на испанском языке, которого мы не знали, но голос, интонации, страстность речи не нуждались в переводе – она говорила о Сталине, о трагедии его смерти для всех трудящихся мира. В зале почти все плакали.

Разговаривали в те дни вполголоса, плакали, потому что все свои юные годы жили с именем Сталина в душе, верили в него, поклонялись ему. Уверена, что в тех семьях, которых не коснулись репрессии и в которых даже не знали о них, смерть Сталина воспринимали как смерть близкого человека. О сталинском режиме, «культе личности Сталина», лагерях, пытках, избиениях арестованных и пр. многие из нас, в том числе и я, узнали лишь после смерти Сталина из доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Многие из его доклада не укладывались в голове, даже вызывало сомнения в правдивости, например, рассказ о том, что Сталин планировал военные операции по глобусу. Конечно, большинство из нас были сталинистами, считали, что вокруг много внешних врагов, и мы должны бороться с ними за лучшую жизнь, для чего должны активно и добросовестно учиться, трудиться и пр. Для нас много значил призыв «НАДО!»

Казалось, что во что бы то ни стало необходимо пройти в Колонный зал Дома Союзов, где был выставлен гроб с телом Сталина, чтобы отдать последний долг вождю и учителю. Несколько раз на факультете официально собирали группы студентов и преподавателей, которые шли к Дому Союзов. Но либо от улицы Горького, либо от здания Совета

Министров, что напротив гостиницы «Москва», эти группы заворачивали обратно. Стало ясно, что мы не попадём в Колонный зал.

Тогда с Инной Болховитиновой мы решили идти прощаться со Сталиным со стороны Садового кольца от Трубной площади – там, казалось, было меньше народа и бóльшая вероятность пройти в Дом Союзов... Так и сделали. Переночевали у нас на Кутузовском проспекте и с первым троллейбусом, рано утром 7 марта поехали в центр. Помню, что когда ехали, услышали чей-то смех, который нас привел в состояние шока и возмутил ужасно – как можно смеяться в такой момент – ведь умер Сталин!

Доехали до Садового кольца у метро «Смоленская» (дальше все было перекрыто) и пешком пошли по кольцу до Трубной площади. Рядом с нами шли еще люди, шли свободно, без толчеи, в основном молча или переговариваясь вполголоса.

На Трубной площади утром людей было не слишком много, но всех почему-то отправляли на откос, который тянулся вдоль бульвара у кирпичной стены. Было холодно и немного скользко. Первую половину дня мы медленно продвигались вперед, к началу Пушкинской улицы. Но чем ближе подходили к ней, тем плотнее становилась толпа, и впереди стали слышны крики: «Остановитесь! Не напирайте! Не давите!!» и просто крики боли и мольба о помощи. Когда мы, наконец, протиснулись к первому двухэтажному дому, который стоял за откосом, то увидели ужасную картину. На фонаре, стоявшем на углу переулка и площади, висели люди – одни, обхватив снизу столб руками, другие долезли до верха и держались на самом фонаре.

Все окна первого этажа дома были открыты настежь и люди из толпы влезали в квартиры и через них уходили дворами от места давки. Вдоль узенького тротуара стояли тяжелые военные грузовики, в кузовах которых стояли солдаты. Они снимали свои поясные ремни, бросали их в толпу и вытягивали оттуда людей, которые через кузова спускались на проезжую часть и уходили кто куда.

В какой-то момент меня лицом так плотно прижали к спине впереди стоящего человека, что я не могла вдохнуть и стала медленно сползать вниз, под ноги людей. Инна,

стоявшая рядом со мной, увидела это и дико закричала, понимая, что если я упаду, то меня затопчут. На её крик оглянулся какой-то парнишка, ученик ремесленного училища (на нем была черная шинель), двигавшийся в толпе недалеко от меня. Каким-то образом он протиснулся ко мне, локтями раздвинул людей, освободил мою голову и не дал упасть. Потом локтями же вытолкнул нас из толпы на проезжую часть. Думаю, что он спас нас от верной гибели.

И тут мы увидели нечто такое, отчего содрогнулась душа – на проезжей части неподвижно лежали люди, то ли без сознания, то ли задавленные толпой. Их за руки и за ноги поднимали солдаты, бросали в кузова грузовиков и куда-то увозили.

А в толпе начались безобразия другого рода – кто-то шарил по карманам, кто-то пытался драться (!). Вечером, когда для наведения порядка появилась конная милиция, какой-то мерзавец взрезал брюхо лошади. К этому времени, уже во второй половине дня, на площадь въехали новые грузовики и солдаты, которые стали цепью, разделив толпу на две части – до фонаря и после него. Мы с Инной поняли, что и здесь нам не пройти к Пушкинской улице, решили помочь солдатам наладить порядок, встали в цепь вместе с солдатами и ... простояли в цепи всю ночь. Только под утро мы вернулись домой, где бедная мама сидела у телефона и непрерывно звонила в больницы и морги, разыскивая нас. После всего, что случилось, у меня был травматический плеврит.

Такие же безобразия происходили и в других местах. Множество людей, приехавших на похороны из Подмосковья и близлежащих областей, пытались проникнуть в Дом Союзов через чердаки, крыши и подвалы домов, выходящих на Пушкинскую улицу, и часто тоже не только безуспешно, но и с травмами и потерями.

С тех пор ненавижу толпу: она, в конечном счете, лишена цели, чувств, понимания происходящего. В те дни люди в толпе, пришедшие проститься со Сталиным, сначала хотели только как можно быстрее двигаться вперед, кричали, смеялись, а, попадая в жернова давки, плакали и взывали о помощи, напрочь забыв, зачем они здесь оказались – надо было спасти собственную жизнь.

Думаю, что все другие типы большой толпы также лишены смысла, и никогда не достигают цели, однако часто приводят к гибели людей.

* * *

Единственным видом массовых сборищ, которые я любила, были праздничные демонстрации 7 ноября в честь Октябрьской революции и 1 мая. Помню одну из первых демонстраций. Мне кажется, это было 1 мая 1940 или 1941 года. Я сижу у папы на плечах, вокруг море народа, все смеются, кто-то пляшет и во всех колоннах время от времени поют недавно написанную и уже любимую всеми «Катюшу».

Потом уже самостоятельно ходила на демонстрации со своими школьными товарищами, с сокурсниками по Университету, с сотрудниками Института общей генетики. На демонстрацию ходили организованными колоннами по районам, собирались рано утром в определенном месте района и шли к Красной площади.

Пели, танцевали, шутили. Например, любили окружить милиционера и водить вокруг него хоровод, радуясь его смущению. А из репродукторов лилась музыка. На Красной площади по радио и из колонн звучали лозунги «Да здравствует наша замечательная молодежь!», когда мимо Мавзолея шли школьники или студенты, или «Да здравствуют наши рабочие!», если шли колонны с заводов и фабрик, неся над головой название завода или фабрики. И, конечно, постоянно звучали здравницы в честь Коммунистической партии и товарища Сталина. Над колоннами красные знамена, плакаты с лицами передовиков производства, руководителей партии и правительства, макеты машин, самолетов, тракторов. Было чувство единства и мощи страны.

До конца 1970-х годов на демонстрации ходили почти все, и продолжались они практически до вечера. С конца 1970–начала 1980-х на демонстрации выделяли делегации от организаций, так что домой приходили часам к двум. Последний раз я ходила вместе с Эзочкой на демонстрацию в честь 50-летия Победы. Мы прошли от Белорусского вокзала, минуя Красную площадь, до площади Дзержинского.

Колонна была разделена на представителей разных партий, каждая шла со своими лозунгами и песни у каждой были свои. Весь путь занял часа два...

Весной благополучно завершился второй курс, и началась прекрасная, незабываемая практика в Звенигороде. От электрички до Биостанции по красивой дороге через лес пешком 10 км. Большие палатки, в которые селились группами, Москва-река, запах цветущих растений, вокруг нехоженный и звенящий голосами разных, пока еще незнакомых птиц, лес... Утренняя линейка, интереснейшие экскурсии, наблюдение за птицами, изучение и распознавание их по голосам, самостоятельные работы. Волейбол между девочками-ботаниками (членом этой команды была и я, самая маленькая в команде по росту) и девочками-зоологами, все они были значительно выше нас, всякая самодеятельность, пение у костра... А экскурсии по ихтиологии с профессором Георгием Васильевичем Никольским на Москву-реку! Никольский – человек высоченного роста – больше двух метров – в больших болотных сапогах заходил в воду и приглашал нас последовать за ним, а мы все довольно маленького роста стоим на берегу и понимаем, что там, куда зашел Георгий Васильевич, нам будет воды по горло.

Да разве перечислишь все радости и всю прелесть нашей летней практики в Звенигороде! Не случайно именно ЗБС вдохновила Митю Сахарова на создание замечательной пес-

Летняя практика в Звенигороде. 1955 год

ни «Звенигород», которую всегда при встречах и в компаниях поют выпускники Биофака – «Старым путём, милым путём в Звенигород, в Звенигород идём!»

На третьем курсе мы выбирали свою будущую специальность, кафедру, в чем для меня большую роль сыграли желание «не ждать милостей от природы» и **Ген Шангин-Березовский**, который учился на кафедре генетики уже на четвертом курсе, был взрослым и умудренным и очень агитировал за эту кафедру. Однажды мы шли с ним после занятий по Большому Каменному мосту, и Ген окончательно убедил меня в том, что надо идти именно на кафедру генетики. Ген был известной личностью на Биофаке. Красивый, общительный, активный, остроумный. Отличник, человек увлеченный, потрясающе начитанный, замечательный рассказчик анекдотов, баек и пр. Он писал стихи, знал и сочинял музыку. Тогда уже все мы распевали его замечательную «Песню о верном друге». Всего он написал 60 песен, среди них знаменитую «Царевну Несмеяну». А еще Ген разводил цветы – узумбарские фиалки и стрептокарпусы. Ребята называли его «гением цветоводства». Он ушел из жизни в 1992 году в расцвете творчества. Но остались его стихи и песни.

*Моя любовь и после жизни греет,
Даря вам свет и радость бытия.
А песня чайкой над волнами реет,
И это значит – не напрасен я.*

30 января 1982 г.

К сожалению, на нашей кафедре в те годы преподавалась лишь лысенковская генетика, литературы по классической генетике не было, и я о ней ничего не знала. Правда, на 5-м курсе мой шеф (у него я делала курсовую и дипломную работы), Ной Ильич Фейгинсон, читал нам курс «Критика менделевско-моргановского учения». Об этом учении мы ничего не знали.

Конечно, запомнился курьезный случай, связанный с Т.Д. Лысенко. В те годы после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года на Биофаке внедрялось лысенковское «учение» о непосредственном, прямом влиянии внешней среды на наследственность, отрицалась хромосомная теория, а

хромосомы объявлялись «артефактами», никакого отношения к наследственности не имеющими.

Помню, как в 1952 или 1953 году на факультет приезжал Лысенко читать лекцию на тему о видообразовании. Большая биологическая аудитория была заполнена до отказа. Пришли не только все студенты, но и наши профессора с разных кафедр и даже сотрудники с других факультетов.

*Ляля Розанова –
моя студенческая подруга*

*Сергей Чепурнов.
Братский агитпоход*

Голос у Лысенко был хриплый, неприятный. Что он вещал в течение двух часов, конечно, не помню. Но одно из его объяснений о том, как возникают новые виды, осталось в памяти навсегда.

«Вот зоологи утверждают, что кукушка откладывает свои яйца в гнезда других птиц, которые и выводят ее птенцов. На самом деле это не так, кукушки появляются в случае, если птенцов певчих птиц птицы-родители кормят мохнатыми гусеницами. Так, благодаря прямому воздействию внешней среды (в виде мохнатых гусениц), образуется новый вид» (!). После этого заявления студенты смеялись, а наши профессора демонстративно покинули аудиторию.

Несколько лет спустя было продолжение этой истории, о которой мне рассказал мой свекор Юрий Александрович Орлов. По какой-то надобности он был в Одессе, где читал лекцию по палеонтологии, после которой к нему подошел

молодой человек из лысенковского института и, смущаясь, сказал, что он кормит птенцов певчих птиц мохнатыми гусеницами (это тема его диссертации), но ни разу при этом не возникло ни одной кукушки, зато птенцы часто погибали.

На Биофаке тех лет была удивительно теплая радостная атмосфера, множество прекрасных людей, в круг которых я быстро и надолго, если не на всю жизнь, вошла.

На первое комсомольское собрание в Большой зоологической аудитории на улице Герцена к нам пришли две девушки. Одна очень худенькая, живая, с большими темными глазами, другая – плотненькая, с по-мальчишечьи зачесанными назад прямыми волосами, низким голосом – сразу видно – человек обстоятельный... Это были Ляля Розанова и Лия Фролова. Они рассказали нам о практиках и кафедрах, о самодеятельности, о том, что на факультете есть хор, танцевальная группа, драмкружок, что ежегодно проходят смотры художественной самодеятельности факультетов и наш Биофак занимает на них хорошие места. А потом Ляля села к пианино (тогда в этой аудитории было старенькое пианино), и они стали петь.

Сначала Лийка спела песенку про Дон-Кихота «На турнире, на пиру и на охоте ходит слава о синьоре Дон-Кихоте» Затем они вместе спели незнакомые для нас песни – «Холодно», «Станция, деревья сонные», «Если будешь ранен, милый, на войне», «Гимн биологов», «Пингвины» и др.

А потом мы все запели любимые, известные всей стране песни – «Сердце, тебе не хочется покоя», «Там, вдали за рекой», «Землянка», «Вечер на рейде»...

* * *

Ляля Розанова была, несомненно, одним из самых ярких людей на Биофаке 1950-х годов. Она не только ввела меня в круг комсомольской жизни факультета и биофаковской самодеятельности, но и стала близким мне человеком. Это была умная, жизнерадостная, активная, замечательная девушка, буквально начиненная разными идеями, вдохновлявшая многие годы нашу комсомольскую жизнь. Маленькая, худенькая с большими карими глазами, то очень серьезными, когда речь шла о чем-то важном, то веселыми, когда Ляля занималась с нами самодеятельностью или рас-